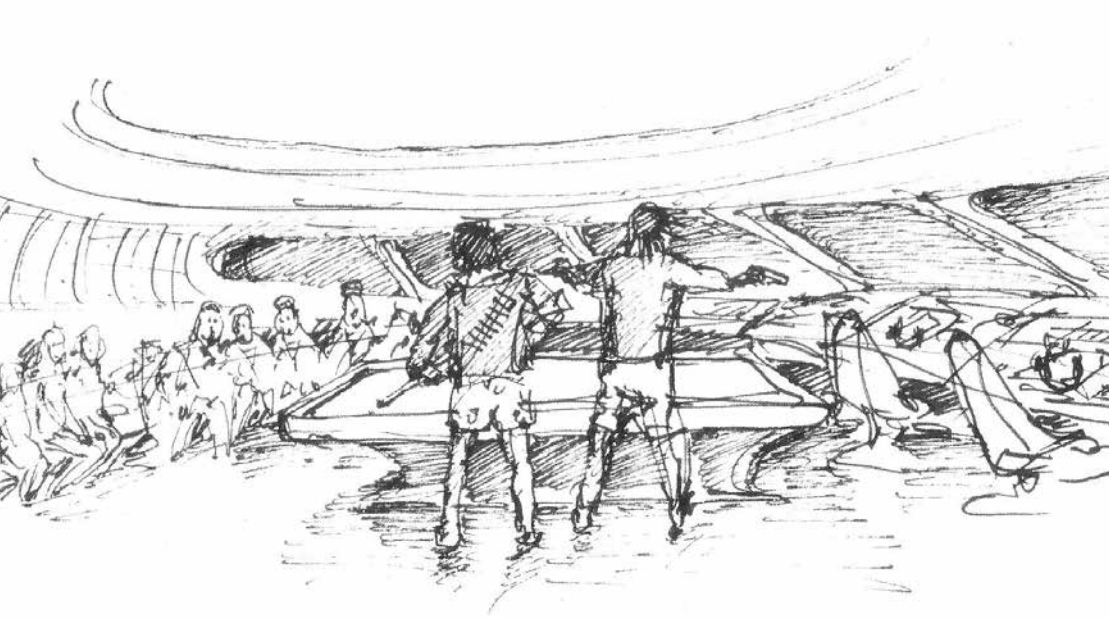


Соглашение в дворницкой

Лаборантка, поднявшись с кресла из-за фикуса, оказалась неожиданно высокая. Спинным мозгом я понял, что, если подруга обует каблуки, смотреть на нее придется чуть вверх. Правда, что при этом увидишь, и какие потаенные желания сие вызовет, понятнее не стало – мадам проскользнула в рубку, держась в тени, и старательно прикрывая личико волосами, что твоя Гюльчатай. Тихо чмокнула переборка, отделяя романтичный мирок ходового мостика от салона, и мы в первый раз остались наедине с загадочной незнакомкой, которая уже деловито водила пальцем по сенсорному экрану, пестревшему значками и гистограммами. Значки наливались цветами, включился экран с трехмерной картой и с наложенной радарной картинкой, и десятка два стрелочных индикаторов, последний тренд – стрелки приборов были не всамделишные, а нарисованные на экранах, но выглядели, как настоящие. Пульт интеллигентно и сдержанно светился красками, однако ничего не происходило, кроме того, что я понял, что сзади у нас тоже все неплохо, по крайней мере, в приглушенном свечении пультов.

– Ну, и? Не заводится? – интересуюсь с плохо скрываемым сарказмом.

– Стартап системы, шесть минут, ожидайте, – с интонацией телефонной кассирши Аэрофлота отрезает стройный шкипер.

Тишина тягостно повисает над пультами, чего мой кипящий адреналином мозг выдержать не может, и независимо от воли начинает нести чушь

– Вызывает интерес — вот еще какой разрез, леди, а тот фикус, за которым вы прятались, при качке не падает? Или он гвоздями к полу приколочен?

– Кепочка у вас, уважаемый, гвоздями приколочена, – шипит мегера. – Мне с вами обязательно светские беседы вести, или достаточно того, что вы мне в спину дробовиком тычете?

– Милочка, как вы уже догадались, мой ответ будет заключаться в том, что это отнюдь не дробовик, а на счет куртуазности поведения со злыми пиратами, заверяю вас, что вам повезло несказанно. Если бы не мы, то с учетом того, какими гениальными стратегами проявили себя ваши отцы-командиры, завтра вас захватили бы загорелые и татуированные Томасовы братья, и когда им бы надоело использовать вас и ваших подруг по прямому назначению, они бы вас просто сожрали. А рецепт приготовления белых леди у них традиционен, и даже неким изяществом отличается – перед, собственно, приготовлением – в пальмовых листьях, в яме, наполненной углями, наши юные гурманы перебивают будущему ужину все кости и кладут на три дня в холодный ручей – живых, что характерно. Тогда мясо вкуснее.

В свете пульта видно, как передергивает мою визави. Остановиться я не могу, от нервов заносит меня уже просто неприлично.

– А знаете ли вы, какая часть вашего очаровательного организма, вызовет у них самые восторженные чувства, и будет преподнесена самому татуированному?

– Прекратите! – почти визжит виртуальная жертва каннибалов, извечным инстинктивным женским движением прикрывая рукой грудь.

– А вот и не угадали. Все ваши прелести достанутся, в лучшем случае беззубым старикам – они, извините, не вкусные. А вождь будет с удовольствием обгладывать ваше запястье. С их слов, именно женская рука – вот самый деликатес.

Проняло бедолагу сильно – то ли я красноречив был, то ли воображение у нее хорошо сработало, только рвотный позыв очень вовремя заглушил приятный мужской баритон, сообщивший, что «Наутика» вышла в режим, и готова сняться с якоря. «С якоря сниматься, по местам стоять», промурлыкал кто–то во мне, и я ткнул пальцем в схематическое изображение арсенала, появившегося на тактическом дисплее.

– Позиционирование по спутниковому сигналу недоступно. Провести привязку по радарному контакту? – поинтересовался баритон.

– Сообразительный дружок. А как ты ориентироваться в открытом море-то будешь? Ладно, по ходу разберемся. «Ок», подтверждаю.

– Время в пути четырнадцать минут сорок две секунды, подтвердите курс сто тридцать два, – тут же отозвался баритон, развернул карту арсеналом вперед и замигал надписью «132, ОК?».

Хорошая штука электроника, когда не глючит. «Ок». Звука двигателей слышно не было вообще, вибрации тоже не было и в помине. Хорошая машинка, только как она умудрилась якорь почти беззвучно поднять, не понимаю. Огни города поплыли в огромных окнах. Иллюминаторами эти тонированные антибликовым покрытием стекла, размером с витрину универмага, даже как-то язык не поворачивался назвать. Интересно, а кто их моет?

Я присел на край пульта, прислонив дробовик к великолепному анатомическому креслу рулевого, мастерски исполненному из белой кожи.

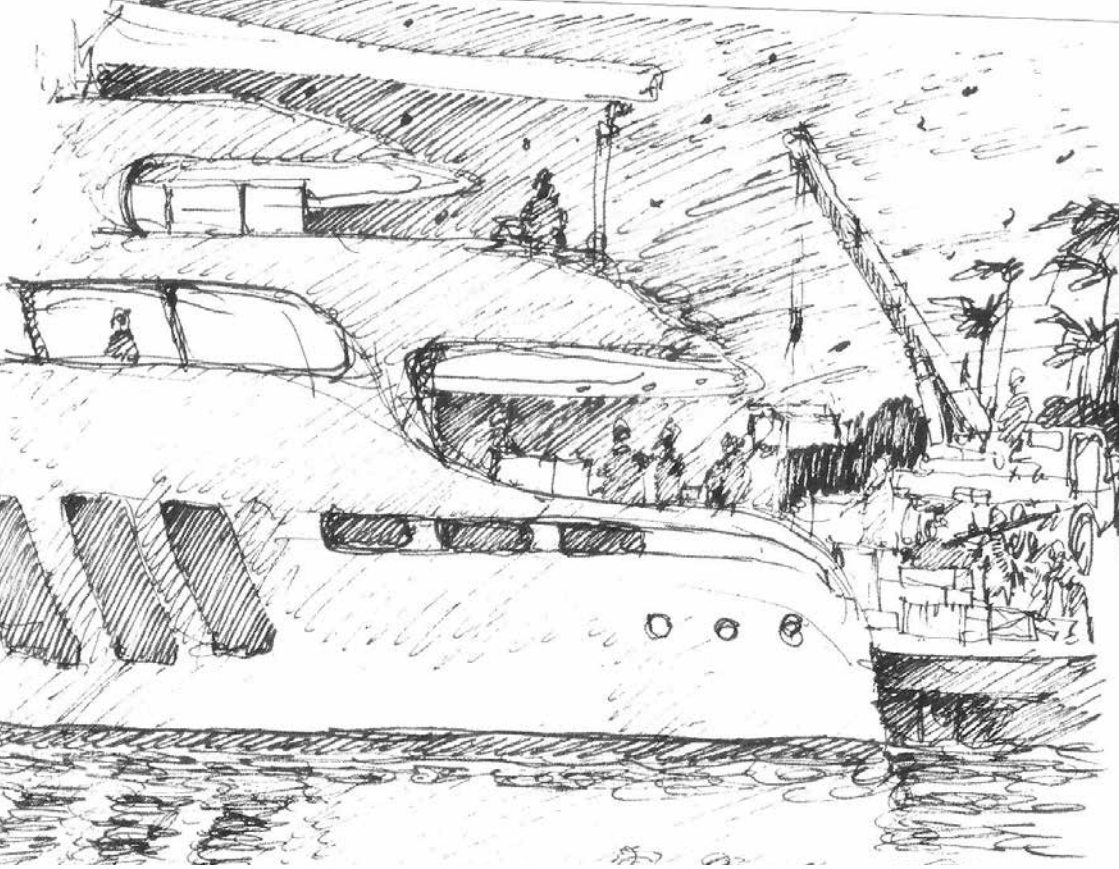
– Что же, красавица, у нас есть четырнадцать минут и сорок две секунды. Ничего толкового мы сделать все равно не успеем, но программу партии я вам вкратце изложу. Я, мой друг Кузьма и его названный брат Томас захватили «Наутику» и второй по величине арсенал оружия в этой части планеты. Первый – на Подветренных островах, в Столице. В связи с предполагаемой невозможностью получения помощи, и средств для поддержания порядка от остальной части цивилизованного человечества, мы трое берем на себя миссию сохранения цивилизации в южной части Тихого Океана, начнем с нашего Острова и всего Наветренного архипелага. Сильно, да? Самому идея нравится. Так что прекращайте величать нас пиратами и насильниками, поясняйте своим весь расклад, и, как только поможете нам перетащить оружие на борт, можете валить на все четыре стороны. А сейчас ставьте пароход грузовым люком к арсеналу, а я пошел веревочки на берег кидать. Швартоваться же самостоятельно ваш умный баритон еще не умеет?

***

Кузьма стоял на причале, смотрел на медленно приближающийся борт «Наутики», и довольно ухмылялся во весь рот. Глаза его горели недобрым светом, рука сжимала цевье какого-то огнестрельного чудовища. Я бросил швартовы и спрыгнул на пирс, закурили.

– Неплохая посудина, Кэп. Как захват прошел? У нас – так даже неинтересно, только одному зуб выбил, и вся потеха. Зато ящиками с оружием забит весь ангар, интересно, с кем они тут воевать собирались?

– А они и не собирались, просто у кого в руках арсенал, у того и власть в околотке – так что именно так вымя власти и выглядит – как тяжеленные зеленые ящики. Погрузчик-то есть?



– А вот с этим – проблемка. Когда мы часового на калитке уболтали, и по двору крались к караулке, я как раз у погрузчика в тени прятался, все нормально было. А теперь, как заводить пошли, оказалось, что все шины пробиты. И, вроде, некому было такую пакость подстроить, все, кто в караулке был, сдались сразу. Кроме метиса. Кого-то мы проглядели.

– Его не брюс-виллисом часом кличут? А то решит, что мы плохие парни, и начнет с нами биться не на жизнь, а на смерть.

– А мы плохие парни?

– Пока не ясно, Кузьма, посмотрим, как дальше пойдет. Тут как зона конвергенции – с одной стороны в одну сторону дует, с другой – в другую. А мы посередине, как будто мышь в большой корзине. У нас тут то штиль, то шквал, и к какому потоку

вынесет – непонятно. Нет здесь ветра устойчивого, все от нас зависит, от нашего умения и желания. Одно знаю – пока прет нам, как не в себе.

– Знать, с любовью напряженка возникнет. Ладно, кончай курить. Кэп, выводи команду строиться, придется им сегодня попотеть – ящики на ручных «рохлах» возить. Нас трое, плюс мальчонка бестолковый, а поднадзорных уже почти три десятка набирается, следить надо будет внимательно, к рабовладельческим отношениям еще не все готовы, особенно мы. Ты сможешь выстрелить, если что?

– Я – нет, а вот Томас, тот даже не задумается. Чтоб эксцессов не было, надо народ приободрить, что ли, сказать, что после погрузки всех отпустим, а-ля брифинг провести надо. Где твои подопечные сидят?

– Они в караулке, там как раз типа класс есть, все рассядутся, ведитес Томом всех туда, я принимать буду.

Минут через десять, я разглядывал свой первый и последний класс – было у меня время, когда я хотел быть школьным учителем, вот ведь судьба-индейка – за спиной школьная доска, а в руке дробовик, рядом друзья-разбойники, а за партами – заложники – научники, матросы и охранники арсенала. Мальченка охраняет дверь снаружи, за первой партой лаборантка моя сообразительная, наверное, в школе отличницей была. И мордаха у нее, даже при мертвом свете дневных ламп, вполне ничего.

Быстро поясняю всем присутствующим расклад, пугаю Томом, обещаю всех отпустить, формально интересуюсь наличием вопросов. Повисает тишина, которую вместо невинных вопросов разрывает автоматная очередь, прошедшая в десяти сантиметрах над нашими головами. Дверь распахивается, и появляется брюс-виллис во всей красе, с автоматом, направленным прямо нам в животы, и с нервным пальцем на спусковом крючке. Шансов у нас нет никаких – это понимают все – и мы, и заложники, и герой геройский. Он горделиво проходит между партами, с

омерзительной улыбкой останавливается напротив нас, и упивается минутой славы – старый служака поймал трех негодяев, захвативших судно, команду и вверенный ему объект. Интересно, он нас прямо в классе в расход пустит, или во двор выведет? Если поведет во двор, то есть дохленький шансик.

Пристально смотрю в глаза старого служаки, но краем глаза вижу, как лаборантка-отличница с первой парты, мягкими грациозными движениями охотящейся пантеры перетекает со своего стула за спину неожиданно появившегося героя, и стулом этим, даже без особого размаха охаживает по чайнику своего освободителя. Все страньше и страньше, как говорила Алиса из страны чудес. Брюс-неудачник мягко падает к нашим ногам, Том ногой отбивает его стрелялку в угол. Немая пауза – в непонятках все – и команда «Наутики», и мы.

– И что застыли, мальчики?– Пантера откинула со щеки прядь цвета вороного крыла.– Выйдем, Кэп?

– Поторгуемся? Да не вопрос. Разрешите, только, мэм, к погрузке приступить? Часики тикают.

Мы сидели в крохотной дворницкой, пристроенной к караулке, смотрели в окно, как Кузьма с Томом гоняют по причалу народ с ящиками с оружием, и пили вполне приличный кофе из машинки. Я, одев маску простодушной наивности, курил в открытое окно, черноволосая бестия крутила в руках чашку с кофе и разглядывала меня из-под челки, явно оценивая шансы сделать из меня безвольное орудие осуществления своих темных планов. Ни хрена себе, лаборантка-отличница – все охранные инстинкты, выработанные за годы общения с прекрасным полом, в один голос вопили о бархатной засаде.

– И чему обязаны неожиданным спасением?

– Меня зовут Анна, мне тридцать шесть лет, я окончила Сорбонну, и являюсь дизайнером «Наутики». А еще я не люблю, когда из меня делают филе загорелые каннибалы. И есть у меня ощущение, что вы, уважаемый, с вашими дружками-головореза-

ми, действительно в состоянии задать шороху в округе. А если мы договоримся, за нами пойдут и научники, и команда. И еще – я одна знаю, на что способна «Наутика».

– Условия?

– Полноправные партнеры.

– Да щаз. С «Наутикой» я и сам справлюсь – там же все на кнопочках, чай не первый день в море, разберусь. Пусть не на все сто, но нам и половины ее возможностей пока хватит, а команду наберу постепенно. Мое крайнее предложение – третий помощник капитана, старшина научников. При первой попытке самоуправства, ссажу к чертям на ближайший остров, а островитянам подарю специй поядренее. Устраивает?

– Да, только руки не распускать, – промурлыкала она, потупив глаза, и с интонацией, что, мол, я не такая, я жду трамвая.

Вот ведь стерва, вынет мозг, однозначно.

– Мадам, для услады у нас несчитано темнокожих прелестниц на тысячах островах в радиусе трех тысяч миль, и у нас будет, чем занять руки. Так что дамские штучки свои бросьте, и мысль про то, что коготок увяз, всей птичке пропасть, не думайте так активно. Почувствую интриги – лично выпорю при всех, как шлюху, привязав к мачте.

– Ах, свяжи меня, злой насильник, – протянула Анна, подставив губы для поцелуя, и одновременно прогнувшись назад так, чтобы немаленькая грудь максимально возможно показалась в немелком вырезе полупрозрачной блузки. Как у них так получается? Только что была одежда, как одежда – то ли рубашка, то ли майка повседневная, а сейчас – плейбой рядом не стоял. Материю, какую специальную, эти искусницы используют, чтобы под мужским взглядом съеживалась и становилась прозрачной, что ли? Не понимаю.

Несколько секунд я откровенно любовался зрелищем – при падающем из окна неровном свете, она действительно была хо-

роша. А потом с удовольствием влепил ей пощечину. Чашка с недопитым кофе улетела в угол, я взял ее за шею, и несильно, но твердо сдавил горло. К ее чести надо сказать, что она не стала барахтаться, царапаться и пытаться вырваться – просто замерла, и смотрела мне в глаза с выражением полной покорности. Под моим пальцами бешено бился ее пульс, соски под тонкой тканью отвердели и совершенно непристойно торчали. Черт, все происходящее ее возбуждало не по-детски, этого еще не хватало – мероприятие носило чисто воспитательный, а отнюдь не эротический характер.

– Что за умница, девочка, все поняла моментом. А теперь рысью к остальным, помогать таскать патроны – раздельно и не торопясь проговорил я, приподнял ее за шею, повернул и направил к двери сильным шлепком по заду.

В двери она обернулась, и демонстративно облизала пересохшие губы. Да, совсем непросто нам всем будет – подумал я, потирая отшибленную ладонь – и правила игры знает, и играет неплохо, сука умная.

***

Налетел теплый тропический дождик, капли бриллиантами сверкали в свете портовых прожекторов. Мы с Кузьмой стояли в проеме складских ворот, неожиданно приобретенная команда катала мимо нас тележки с промаркированными ящиками зеленого цвета. Анна с Томом командовали приемом и размещением груза на судне. Они быстро сработались. Вернее, гордый потомок свободных каннибалов за пять минут стал ее рабом.

Мои худшие предположения начинали оправдываться, ладно, разрулим.

– Кузьма, ты хоть примерно представляешь, что мы грузим? Брюс-виллис заговорил?

– Герой поет соловьем, показал, где спецификации на это все, но разбираться времени нет, грузим все подряд. Солнце че-

рез три часа взойдет, а нам еще с верхнего яруса все сгрузить надо, лучше бы в темноте все закончить, от греха подальше. С Томом говорил, не хочет он быть законно-избранным, хочет с нами пиратствовать, так что у нас еще одна проблема, надо кого-то лояльного поставить рулить тут все борделем.

– Что ж, с завтрашнего дня, вернее уже сегодня, начинаем строить новую жизнь, партнер.

– Рад, что ты произнес это слово, партнер, а то я что-то засомневался, до чего вы там с этой кошкой договорились, уж больно она взъерошенная и раскрасневшаяся вылетела из караулки после вашего разговора. Может я не при делах уже? Она тебя уже трахнула?

– В мозг.